

Александр Котылев

Котылев Александр Юрьевич, кандидат культурологии. Работает в Коми государственном педагогическом институте на кафедре культурологии.

Шестой этаж

Произвольная запись вольной беседы культуролога
Александра Котылева с художником Павлом Микушевым
28.04.2016

Александр Котылев. Добрый день, Паша! Нам долго подниматься?

Павел Микушев. До шестого этажа. Как-то не могут решить вопрос о домофоне для наших этажей, приходится каждый раз спускаться вниз, чтобы кого-то впустить.

Александр. Это первая твоя мастерская от Союза художников. А другие были?

Павел. Да. Несколько лет мы работали в одной мастерской с Юрием Лисовским в Затоне, которую ему предоставила там администрация. Однажды мы попытались даже построить для себя дом-мастерскую, но жизненные обстоятельства помешали этому проекту воплотиться. Долгие годы для меня служил мастерской мой собственный дом в Максаковке.

Александр. Насколько я помню, это было скорее полдома.

Павел. Да, я унаследовал его от родителей.

Александр. Каждое посещение было незабываемым, ты показывал всё новые работы.

Павел. У меня и здесь уже кое-что есть.

Александр. А что тебе раньше мешало получить свою мастерскую?

Павел. Союз художников, не хотел принимать этнофутуристов в свои ряды.

Александр. Почему?

Павел. Что за вопрос? Ты сам знаешь. Нас не считали художниками. Не считали профессионалами.

Александр. Как ты пришёл к этой специальности?

Павел. После восьмого класса школы я пошёл в девятый. Но там почувствовал, что учиться больше не хочу.

Александр. В те годы можно было покинуть школу после восьмого класса?

Павел. Да, но я ушёл чуть позже. Пытался поступить в училище искусств. Потом пошёл в «педуху».

Александр. Педучилище? Оно давало среднее педагогическое образование?

Павел. Да. Там я проучился два года. Но учиться тоже не хотелось. Я как-то сразу перестал обращать внимание на требования и правила. Потом меня забрали в армию. Вернувшись, я работал грузчиком.

Александр. Где?

Павел. В молочном магазине, в торговом центре, на рынке. Потом вновь попытался поступить в училище искусств.

Александр. Когда ты впервые почувствовал себя художником?

Павел. Не знаю. Может быть, когда к нам в максаковскую школу пришёл новый учитель рисования и черчения. В армии я пробовал оформлять красивые надписи, как тогда требовали, но у меня не получалось.

Александр. Когда ты поступил в училище искусств, то уже видел себя художником?

Павел. Нет. Скорее я представлял себя чем-то вроде оформителя. В Совке это была вполне приличная профессия.

Александр. Твои родители одобрили выбор?

Павел. Отца к тому времени уже не было. А мать ещё раньше сказала что-то вроде того, что моя жизнь – это моя жизнь. Она вообще была женщина суровая, но ко мне почему-то относилась снисходительно. Как-то раз к нам приезжали репортёры, делали фоторепортаж о нашей семье. Мы его потом смотрели по телевидению. Фотограф позже прислал неиспользованные фотографии, видимо, бракованные.

Александр. Так что же насчёт выбора призвания?

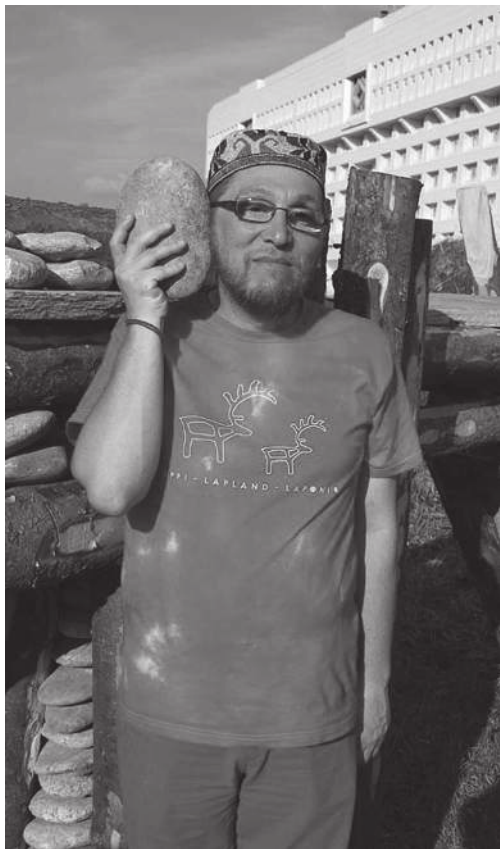
Павел. Это я помню совершенно чётко и никогда не скажу по-другому. На предпоследнем курсе училища ко мне подошёл Юра Лисовский и сказал, что-то вроде: на кого мы учимся? Художники мы или кто? Если художники, то давай будем рисовать картинки.

Александр. Твои первые работы существенно отличались от современных.

Павел. Да. Ты их видел в сарае, в Максаковке.

Александр. Там был рельефный триптих, в духе примитивизации христианских сюжетов. Но ведь ты создал ещё серию плакатов, посвящённых письменности Стефана Пермского?

Павел. Это была моя дипломная работа. У нас на курсе сложилась какая-то особая атмосфера. Многие из наших сокурсников продали свои дипломные работы, получили за них вполне реальные деньги. Ко мне обратился какой-то предшественник современного финно-угорского центра. Они предложили оплатить издание (кажется, 6 000 экземпляров серии в 6 плакатов), а кроме того, порекомендовали всем сельским библиотекам их приобрести. Это был успех, который подталкивал нас к продолжению самостоятельной линии художественного творчества. Однажды, то ли во время первого, то ли второго скульптурного пленэра в художественной галерее к нам в мастерскую приехала сотрудница галереи и привезла закуску. Завёрнута она была в мой дипломный проект. Впрочем, работая над дипломом, я много ходил по архивам и библиотекам. Тогда начал знакомиться с описаниями коми мифологии в журнале

«Коми му» и других изданиях.

Александр. А до этого с мифологией родного края ты был знаком?

Павел. Почти нет. Максаковка, где я родился, это не село, а посёлок. Мои родители туда приехали по набору. Мать работала на лесосплаве, была даже депутатом Верховного совета Автономной Республики Коми. Я у ней, потом, удостоверение нашёл, с описанием всех льгот. При этом она ни разу, никогда из своего края не уезжала. Детей растила, но в декрете больше двух месяцев не бывала. Детьми потом бабка занималась. Всех вырастила, а у самой и пенсии не было.

Александр. А отец, кем работал?

Павел. Отец был активнее. Два года служил морпехом в Северной Корее, бывал в других местах. Помню фотографии, где он в костюме и шляпе.

Александр. Ты «самый коми» из всех этнофутуристов Республики Коми. А родился в пригороде Сыктывкара.

Павел. Так уж сложилось. Максаковка тогда была гораздо сильнее изолирована от города, чем сейчас. Когда я перебрался в Сыктывкар, это было для меня открытием нового пространства.

Александр. А какое культурное пространство показалось тебе наиболее комфортным?

Павел. Мне везде хорошо. Но помню, как легко и спокойно было в Эстонии, в Таллине, в 1990-е. Во время одной из поездок мне предложили расписать стенку 4,5 на 7,5 метров. Работы было много, я вставал рано и гулял по городу, по парку, по набережной один. Было смешно, когда позже приехала делегация из Удмуртии, они везде ходили только вместе.

Александр. Тут у тебя сверху висит ряд работ, которые я видел раньше только в репродукциях?

Павел. Да. Их задержали за границей по каким-то там бюрократическим основаниям. Много лет они находились где-то там. Всё это глупость какая-то.

Александр. В твоих работах много животных. Ты охотник и рыбак?

Павел. Не совсем. На рыбалку я ходил в детстве. При этом, лучшее место нередко оказывалось посередине реки во время сплава леса. Там, где стоял станок для связки брёвен в пучки, из которых потом формовали плоты. Не знаю, что там привлекало рыб: личинки, выпадающие из стволов, или что-то ещё. Мать как-то принесла домой стерлядь, которая выскочила на плот прямо перед ней.

Александр. Рыба в твоих работах часто совмещается с медведем.

Павел. На медведя ходил отец. Собственно хозяином медведя считался тот, кто зимой обнаружил берлогу. А отец был распределителем охоты. Определял, где кто должен стоять, что делать, в каком порядке. Помню, однажды отец принёс с охоты медвежью шкуру, он её вывесил на стене дома для просушки. Воспитательница в детском саду попросила меня отвести детей посмотреть. Как пришли, я сразу побежал к мамке, просил поесть, а они там охали. Я-то раньше уже насмотрелся.

Александр. Для тебя медведь что?

Павел. Он ловит рыбу. Он шествует по пространству Пармы. Он создаёт следы на снегу, на мху. Есть коми поговорка «Медведя знают все – медведь не знает никого».

Александр. Ты охотник?

Павел. Я поздний ребёнок. Охотником был мой отец. Страсть эту он передал моему старшему брату, который женился на сельской девушке, и уехал потом жить в село Скородум. Я побывал у него, когда мне исполнилось 12. Он сказал: давай строить лодку! И мы её построили. Потом гоняли по Вычегде.

Александр. Там был мотор?

Павел. Ну да! Он купил мотор, лодку оббили жестью.

Александр. В твоих работах много деревьев. Они образуют целую вселенную.

Павел. Деревья необычной формы окружали меня с детства, когда я гулял в лес,

вокруг Максаковки, спускался к Чёрному озеру, в котором нам запрещали купаться. Потом особые деревья предстали предо мной в железном лесу Корткероса, в необычном лесу Эжолты. В некоторых своих графиках и фотографиях я отобразил это ощущение, оформил его.

Александр. Дерево как модель мира?

Павел. Есть же понятие мирового древа? Вот эта картинка с уткой на вершине дерева и яйцами под его ветвями и корнями, оно выражает структуру мироздания, в любых его вариациях, в том числе, христианских...

Александр. А вот эта работа как называется?

Павел. Финно-угорское древо.

Александр. То есть каждая ветвь и каждый плод обозначают народ?

Павел. Ну вроде того.

Александр. Твоё дерево динамично, при взгляде на него возникает иллюзия карусели.

Павел. Мир изменчив. Нет в нём гарантии безусловной стабильности.

Александр. Между образами твоих работ и на фоне их часто видятся некие «пляшущие человечки», напоминающие созвездия ночного неба.

Павел. В какой-то степени – это в самом деле звёзды или созвездия.

Александр. Тёмный фон твоих работ – это обозначение космоса?

Павел. Наверное. Мир имеет определённый порядок. Я не сочетаюсь с ним, но поэтому могу видеть его со стороны.

Александр. Этот порядок выражается математической, числовой организацией? В твоих работах значимая роль принадлежит числу?

Павел. Считать нужно всегда. Мои работы в основном симметричны. Главное значение имеет высчитывание не частей, но точек. Лучше всего семь или девять, но не всегда получается. Одна казанская исследовательница сказала, что я, по-видимому, медитирую. Действительно, иногда выпадаешь из времени, когда очнёшься – треть работы уже закончил. Я придумал специальный термин: «точкование». Каждая точка имеет свой смысл, а их сочетание выражает особенности моего стиля.

Мировое древо.

«Чудское». Трптих. Левая часть.

«Чудское». Триптих. Центральная часть.

«Чудское». Триптих. Правая часть.

Знак женщины.

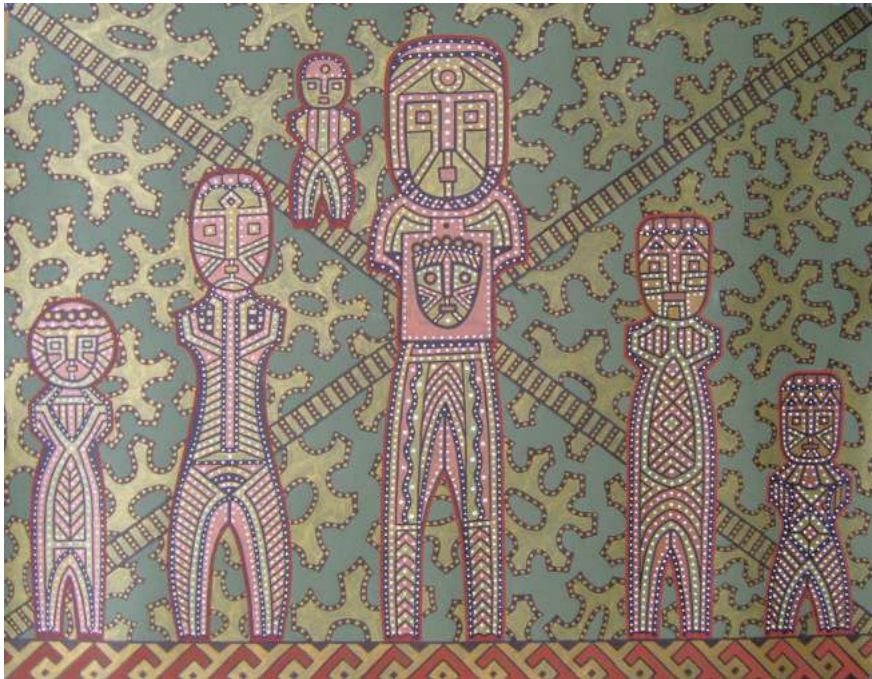
Йиркап.

Особенности рыбалки.

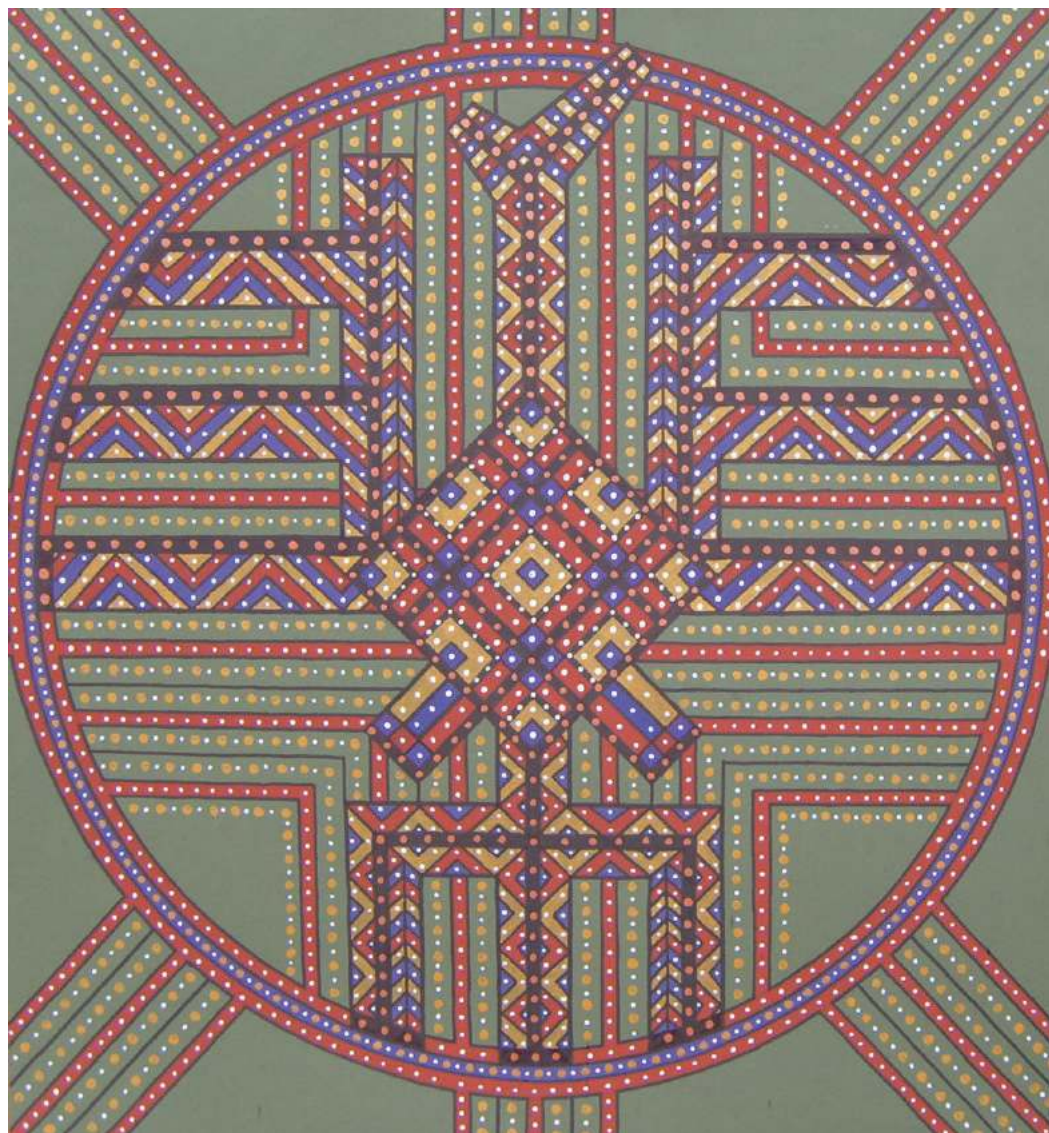
Древо жизни.

Хранители рода.

Путешествие в иное.

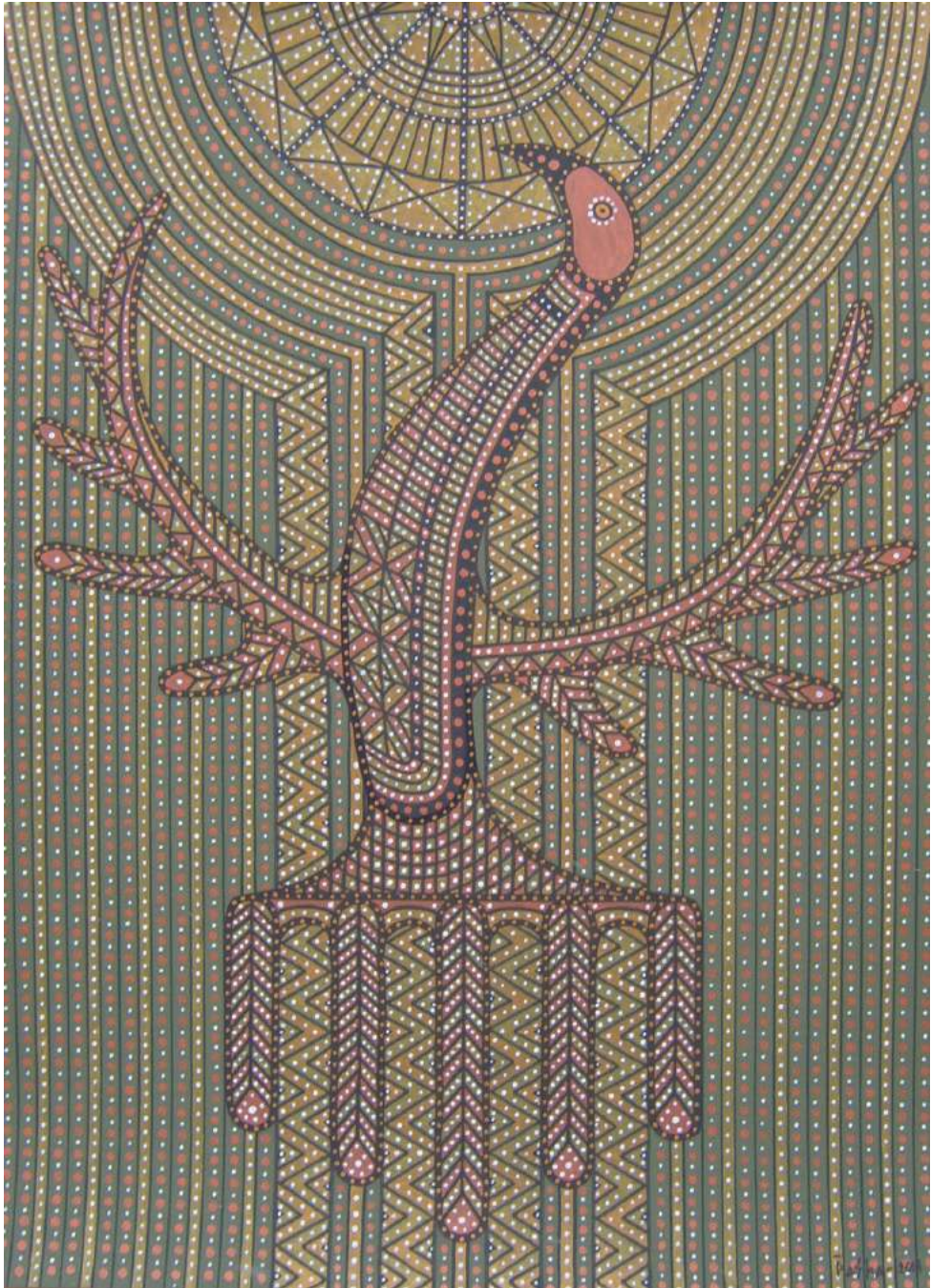
Знак птицы.

Плач.

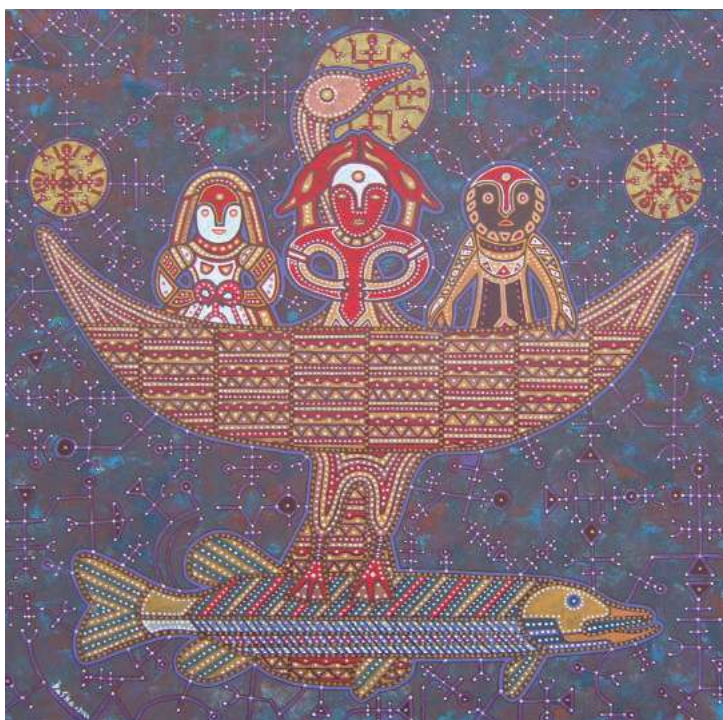
Знак женщины.

Скоро весна.

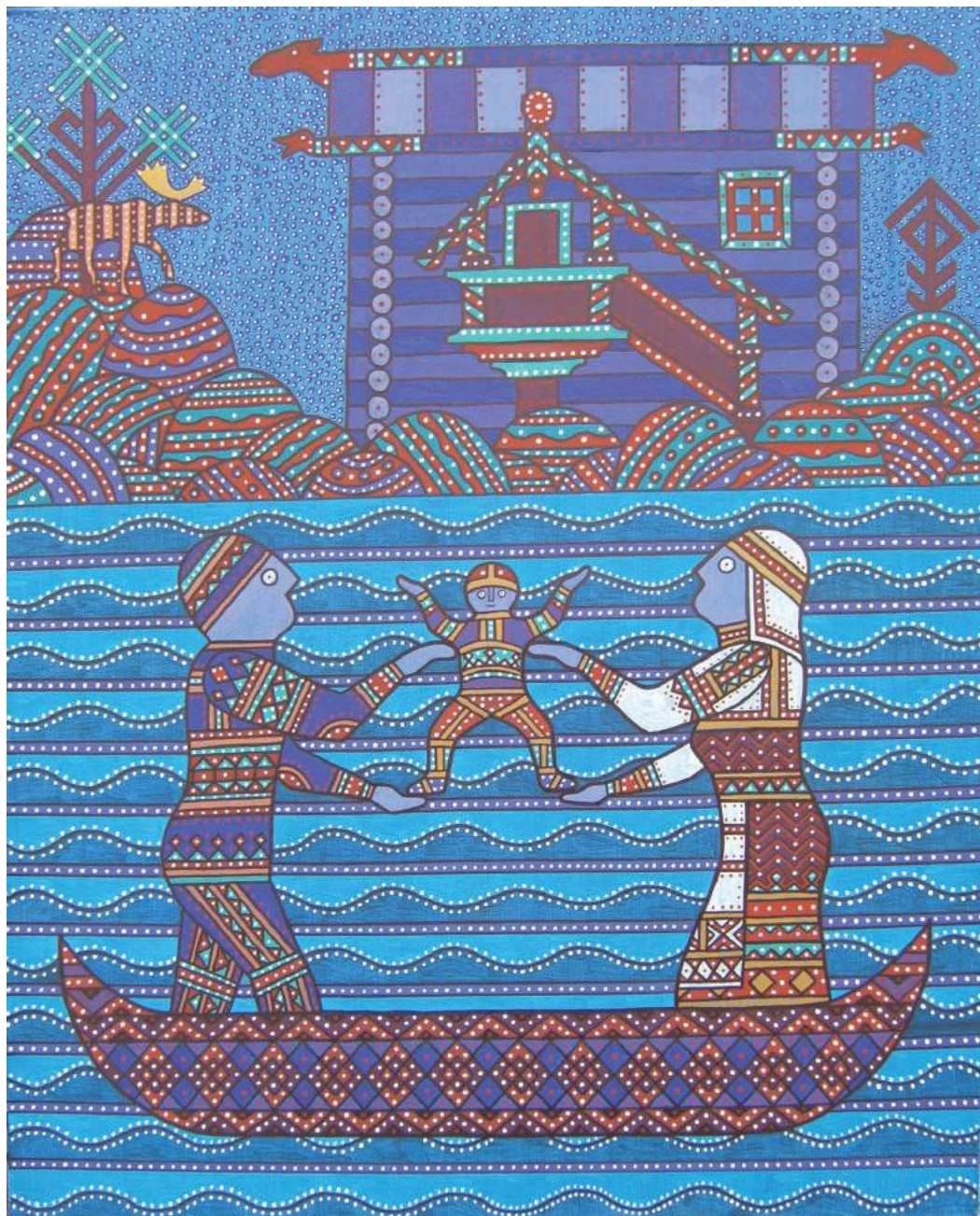
Отец и сын.

Утро, день, вечер.

Танец в масках.

По реке жизни.

Рыбы.